

Существование «конформистов» — условие стабильности общества в экстремальных условиях

С. Э. Шноль

СИМОН ЭЛЬЕВИЧ ШНОЛЬ — доктор биологических наук, академик РАЕН, заведующий лабораторией физической биохимии Института экспериментальной и теоретической биофизики РАН (ИТЭБ РАН), профессор кафедры биофизики физического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Область научных интересов: применение радиоактивных изотопов в экспериментальных исследованиях, колебательные режимы биохимических и химических процессов, история науки, проблемы биологической эволюции.

142292 Пушкино Московской обл., ИТЭБ РАН, тел. (277)39-262, E-mail shnoll@pbc.iteb.serpukhov.su.

В тоталитарных государствах возникает множество проблем при выборе поведения в экстремальных ситуациях. Советская действительность часто ставила людей перед нравственным выбором чрезвычайной остроты. От такого выбора зависело, как минимум, благополучие, возможность работы, продолжение исследований, а в годы репрессий — жизнь или смерть, жизнь или смерть близких, жизнь друзей, жизнь и благополучие неблизких и не друзей. Вряд ли когда-либо еще в цивилизованном обществе было проведено столько «опытов на людях».

В распределении человеческих популяций «по нравственному фенотипу» В.П.Эфроимсон выделял две фракции: эгоистов и альтруистов [1]. Мне представляется, что три фракции более соответствуют действительности: на противоположных краях распределения злодеи и герои, в центре — «конформисты». Так или иначе, разделение на фракции биологически обусловлено. Нежизнеспособны виды, племена, общества, состоящие из одних эгоистов. Жизненно необходимы герои-альтруисты. Возможно, в племенах неандертальцев было мало альтруистов, потому их победили племена *Homo sapiens*. Возможно. Однако также нежизнеспособны племена и народы без эгоистов-конформистов, кто-то должен размножаться при всех обстоятельствах и тем самым сохранять наибольшую биологическую ценность — генотип. И, без сомнения, нежизнеспособны племена и народы, в которых число злодеев, живущих в ущерб своему племени, больше некоторой критической величины.

Такое разделение на фракции наиболее отчетливо проявляется в характере решений в экстремальных ситуациях.

Выбор поведения в таких ситуациях может быть «чисто эмоциональным». Но сами эмоции, помимо гормонального статуса, в сильной степени зависят от усвоенной в детстве модели поведения. Принятие решений такого рода зависит также от поведения окружающих (эффект толпы). Однако наиболее существенны для нашего анализа реакции, основанные на сознательной оценке последствий того или иного варианта решения.

В первые же годы после революции стало ясно, что основным способом переустройства общества стал террор. «Ветер сдирает списки расстрелянных...» (В.В.Маяковский, поэма «Хорошо!»). На множестве примеров оставшимся в живых стало ясно, что открытое, активное следование высоким нравственным принципам может быть смертельно опасным. (Для наглядности — пример Н.С.Гумилева — расстрелян, поскольку не выдал.) Так формировались новые модели поведения.

Изменению нравственных основ в Советском Союзе уделялось чрезвычайно большое внимание. С детства внушалась, как высшая доблесть (пионера, советского человека вообще): «беззаветная преданность делу Ленина—Сталина». Мы редко тогда задумывались о смысле слова «беззаветная». Беззаветно — вне заветов-заповедей, тысячелетия составлявших моральный кодекс человечества. Без заветов, т.е. быть готовыми предавать отца и мать, родных и близких, выполнять «любые указания партии и правительства».

Такому изменению нравственного облика общества крайне мешала религия. В этом основная причина уничтожения десятков тысяч священников всех вероисповеданий. В этом основная

причина уничтожения «старой» интеллигенции — носителей нравственных идеалов общества.

Естественно, что первые удары власть большевиков направила на представителей гуманитарных профессий — философов, филологов, историков, юристов — нравственные проблемы в той или иной степени были их специальностью. Они владели словом и пером и могли активно противодействовать «беззаветным» моделям поведения, устанавливаемые новой властью. По указанию Ленина виднейшие гуманитарии России в 1922 году были высланы из страны. А из тех, кто остался, многие кончили свою жизнь в тюрьмах и концлагерях или, если выпадал счастливый жребий, в отдаленных краях страны.

Представителям естественных наук вначале было легче — они были «спецы», необходимые для социалистического строительства. Многие, увлеченные идеалами свободы, равенства и братства, испытывали в те годы искренний революционный энтузиазм. Создавались новые научные учреждения и высшие учебные заведения. Открывались просторы для оригинальных научных направлений.

Этот период краткого расцвета завершился в «год великого перелома» в 1929 году. Борьба с «меньшевиствующим идеализмом» в науке, развернутая «философами-марксистами» резко ограничила свободную научную мысль и в области естественных наук. Последовавшие репрессии против научно-технической и научной интеллигенции («Дело Промпартии», аресты Н. Д. Кондратьева, А. В. Чайнова и еще очень многих) означали начало разрушения естественно-научного потенциала страны. В это время был арестован великий генетик профессор Московского университета С. С. Четвериков, на сцену вышел Т. Д. Лысенко, подвергся первым гонениям Н. И. Вавилов. Последовавший после убийства Кирова в 1934 году вал репрессий, достигший чудовищных размеров в 1937—1939 годах, среди прочего привел к подрыву основ государства и стал через много лет истинной причиной «мирной» гибели великой страны — СССР в 1990—91 годах.

В годы репрессий многим деятелям науки, как и остальным гражданам, чтобы не погибнуть, нужно было быть «конформистами». Их юность — время революций, террора, гражданской войны, голода, разрухи. Они пережили судебные процессы в стране конца 20-х годов, борьбу с меньшевиствующим идеализмом, массовые репрессии после убийства Кирова и ужасы второй половины 30-х. Но, возможно, самое сильное впечатление производили на людей этого круга узаконенные Сталиным пытки при «дознании», применяемые к арестованным в массовых масштабах. Попробуйте читать «Судебный отчет по делу Антисоветского «Право-троцкистского блока», рассмотренному военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2—13 марта 1938 года по

обвинению Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Н. Н. Крестинского и других, в том числе выдающихся врачей — профессоров Льва Григорьевича Левина, Дмитрия Дмитриевича Плетнева, Игнатия Николаевича Казакова... На суде они подробно рассказывали о себе очевидную неправду: как они неправильным лечением убивали своих пациентов. Пытками их заставили быть конформистами. Сейчас это трудно себе представить. А тогда естественен был обращенный к себе, дикий для цивилизованного общества, вопрос: «выдержу ли я пытки?» Не многие давали себе положительный ответ. Еще меньше тех, кто в самом деле выдерживал. Многие предпочитали быть конформистами до пыток, без пыток.

Но и без крайней степени, без явной угрозы ареста, конформизм был условием сколько-нибудь сносного существования.

Именно «конформисты» в этих ужасных условиях как могли сохраняли интеллектуальный потенциал нашей страны. Мы должны отдать им дань уважения и понимания.

Возможно, наиболее яркими примерами конформистов могут быть братья Николай и Сергей Вавиловы.

«Николай Иванович — гений. И мы не сознаем этого только потому, что он наш современник» — слова учителя Н. И. Вавилова академика Д. Н. Прянишникова. Н. И. Вавилов всеми силами пытался посредством компромиссов охранить созданные им коллективы исследователей, обеспечить возможность осуществления планов своих грандиозных исследований. Он делал все, что требовалось по канонам того времени. Тяжело читать его речи с прославлением Великого Вождя Народов. Но когда стало ясно, что компромисс бесполезен — он стал героем. И погиб.

Возможно, не менее тяжела участь его брата С. И. Вавилова. Ему пришлось быть конформистом в невыносимых для сердца условиях. Он стал президентом Академии наук и должен был осуществлять разрушение науки, за спасение которой отдал жизнь его любимый брат Николай. Тяжело читать его речи, прославляющие Лысенко. Невыносимо тяжело читать его статьи в «Правде» о борьбе с буржуазной физикой, в том числе с теорией относительности. Он не вынес тяжести ноши и погиб от инфаркта, не дожив нескольких дней до 60 лет. О братьях Вавиловых много написано, и я могу ограничиться сказанным [2].

Во время Великой Отечественной войны парадоксальным образом в обществе возникло ощущение относительной свободы. Победа требовала активности, самоотверженности, самостоятельности и инициативы. Эти качества были совершенно неприемлемы для Сталина и его слуг. Подавление интеллектуальной свободы после победы в Великой Отечественной войне начали с Постановления ЦК ВКП (б) 14 августа 1946 года «О журналах «Звезда» и «Ленинград».

Жертвами были выбраны писатели М. Зощенко и А. Ахматова, «которые тянули советскую литературу в болото бездейности, беспринципности, формализма, низкопоклонства перед гниющей, упадочной буржуазной культурой». Это был лишь первый шаг на пути изменения общественного климата. В то же время, без оповещения широкой публики, прошли аресты ряда генералов и были приняты меры к ослаблению позиций маршала Г. К. Жукова. Но наибольшая опасность свободомыслия таилась в кругах интеллигенции. На войне особая роль принадлежала врачам. Их вклад в Победу был очевиден. Их нужно было «ввести в рамки».

В ночь с 17 на 18 февраля 1947 года арестовали выдающегося физиолога и организатора науки, благородного человека, академика-секретаря Академии Медицинских наук Василия Васильевича Парина (1903—1971) [2]. Его ждали издевательства и пытки. В ледяном карцере после избиений он навсегда потерял здоровье. «Суд» состоялся лишь в апреле 1948 года. Его осудили на 25 лет каторги. Но продержали в тюрьме (а не на каторге) до октября 1953 года. После возвращения на свободу он еще успел много сделать. Арест В. В. Парина имел символическое злое значение — он был началом целого ряда «мероприятий» устрашения и подавления научной элиты страны.

Судьба В. В. Парина аналогична судьбе большого числа выдающихся людей нашей страны. Как самоубийственно безошибочно выбирали жертв преступные вожди страны. Выдающихся, честных, самобытных. Некоторых под давлением обстоятельств выпускали (С.П.Королев, А.Н. Туполев, маршал К. А. Мерецков, маршал К. К. Рокоссовский, академик П. П. Лазарев...). Большинство погибало. А те, кто оказывались на свободе, до конца дней не выносили закрытых дверей и, напрягаясь, проходили мимо охранников в подчиненных им институтах.

13 января 1948 года по личному распоряжению Сталина был злодейски убит великий артист С.М.Михоэлс. 31 июля—6 августа 1948 года состоялась получившая мрачную известность сессия ВАСХНИЛ, погубившая советскую биологию. У людей, переживших репрессии 30-х годов, не возникало иллюзий в связи с этими событиями.

В это время ректором МГУ был выдающийся химик, талантливый лектор академик А. Н. Несмеянов. Его капитальный курс лекций по органической химии создавал основу образования поколений химиков и биохимиков.

На биологическом факультете МГУ было несколько выдающихся профессоров — лекторов. Но возможно самым любимым студентами был заведующий кафедрой Физиологии растений профессор Дмитрий Анатольевич Сабинин. На его лекции, помимо биологов, ходили студенты разных факультетов — физики, филологи, хими-

ки. Лекции были замечательны по построению, научному уровню, великолепному русскому языку и вызывавшему симпатию облику лектора.

13 августа 1948 года, сразу после окончания сессии ВАСХНИЛ, на биофаке МГУ ректор А. Н. Несмеянов собрал ученой совет. Он сообщил, что за поддержку реакционного менделизма-вейсманизма-морганизма увольняется декан Сергей Дмитриевич Юдинцев и на его место назначается И. И. Презент. Юдинцев прочел заготовленный текст с признанием своих ошибок и обещанием встать на мичуринские позиции.

Сторонники Лысенко понимали, что без физиологии растений развитие сельского хозяйства невозможно. От присутствовавшего на заседании Дмитрия Анатольевича требовалось лишь одно — не выступать, промолчать. Но он попросил слова. Несмеянов хорошо знал Сабинина. Он хотел уберечь его и сказал, что не видит необходимости в выступлении Сабинина и призывает всех не выступать, а тщательно все обдумать. Сабинин сказал, что думает об этом более 40 лет и считает необходимым высказать то, что думает. Несмеянов опять попытался остановить Сабинина. Но Дмитрий Анатольевич встал и сказал, что Лысенко и его последователи разрушают отечественную науку, что сами они невежественны и к науке отношения не имеют. Несмеянов остановил его и снова попросил подумать о последствиях таких слов. Бесполезно: Сабинин продолжил свою речь-протест.

Сабинин был уволен. Кафедру Физиологии занял сторонник Лысенко Б. А. Рубин. Не стало на факультете человека, бесценные лекции которого на многие десятилетия впечатывались в сознание. Остались без выдающегося руководителя ученики Сабинина. А сам он долгое время был без работы. Его никуда не принимали на работу. Знаменитый полярник И. Д. Папанин симпатизировал Сабинину — и сумел устроить его на морской биостанции в Геленджике. Там Сабинин продолжил свою работу по физиологии водорослей. Там завершил работу над своей главной книгой по физиологии минерального питания растений. Он сдал ее в печать в 1950 году. В 1951 году она была почти готова для выхода в свет. Об этом узнали враги. Набор «рассыпали». Дмитрий Анатольевич застрелился.

В январе 1949 года были произведены аресты членов Еврейского антифашистского комитета. Это были артисты, писатели, поэты. Дипломат С. А. Лозовский. Главный врач Боткинской больницы Б. А. Шимелиович, академик Лина Соломоновна Штерн. Арестованных зверски избивали. 29 января был арестован и в тот же день умер в тюрьме выдающийся биохимик академик Я. О. Парнас. В феврале — марте было начато «Ленинградское дело» — арестованы и затем расстреляны сотни выдающихся деятелей компартии, прославившихся героической работой во время Отечественной войны. Среди них член

Политбюро, академик Н. А. Вознесенский, руководивший экономикой СССР в тяжелейшие годы войны.

1 апреля 1949 года был арестован выдающийся химик, академик, декан Химического факультета МГУ Алексей Александрович Баландин. (Это был повторный арест — первый в июле 1936 года завершился ссылкой в Оренбург до мая 1939 года). Он был приговорен к 10 годам лагерей и направлен на тяжелые работы в Норильск. Там в бараке его били уголовники. Лишь в начале 1951 года его перевели на работу в лабораторию при Норильском горно-металлургическом комбинате. А. А. Баландин был освобожден после смерти Сталина в июне 1953 года. Здоровье его было подорвано. Несмотря на это он еще успел сделать очень много для науки [4].

В такой обстановке в 1951 году А. Н. Несмеянов стал Президентом Академии наук, вместо умершего С. И. Вавилова. На этом посту его ждало тяжелое испытание — он должен был организовать разгром теоретической химии, квантово-механическое основание современной химии. Начало этой кампании было положено (без злого умысла) статьей Н. Д. Соколова о природе водородной связи. Однако в выступлениях В. М. Татевского и О.А.Реутова на ученом совете химического факультета МГУ критика «Теории резонанса» приобрела злобный идеологический смысл противоречия диалектическому материализму. Особенно беспардонными были в дальнейшем выступления-обвинения, произносимые М. И. Шахпароновым [2, 3].

В июне 1951 года состоялось «Совещание по состоянию теории химического строения в органической химии». Основной доклад должен был сделать Несмеянов, который относился с большим уважением к главному «обвиняемому», также очень популярному профессору Московского университета, Якову Кивовичу Сыркину. Несмеянову удалось избежать участия в этом испытании — он заболел. Вместо него основной доклад прочитал академик А. Н. Теренин [3]. Президент Академии наук А. Н. Несмеянов вряд ли мог активно защищать подвергшихся гонениям исследователей, но в период бурной кампании по борьбе «с реакционной теорией резонанса» он ни разу не выступил с критикой этой теории, не участвовал ни в каких собраниях по этому поводу. Тем самым он в значительной степени защитил советскую теоретическую химию от окончательного разгрома.

В 1951 году ректором МГУ вместо А. Н. Несмеянова стал выдающийся математик и замечательный человек академик Иван Георгиевич Петровский. Ему досталась задача чрезвычайной сложности. Разгромлен Биофак. Идет разгром Химического факультета. Вслед за опубликованием «труда» Сталина «Марксизм и языкознание» — разгром Филологического факультета. После опубликования брошюры Сталина «Эко-

номические проблемы социализма в СССР» — разгром Экономического факультета. Готовится «совещание» по борьбе с идеализмом в физике с неминуемым вслед за этим разгромом Физфака [6]. В то же время идет строительство новых зданий на Ленинских горах. Продолжаются аресты (Б. Н. Вепринцев был арестован 6 июля 1951 г.). Идет оголтелая борьба с «космополитизмом».

Прямой протест бессмысленен. И. Г. Петровский делает все возможное, чтобы сохранить лицо лучшего университета страны. Это почти невероятно. Но авторитет ректора чрезвычайно высок. Среди прочих своих обязанностей он еще не просто депутат Верховного Совета СССР, но и член Президиума Верховного Совета. В назначенные дни к нему на прием идут сотни граждан — избирателей. Он выслушивает жалобы и просьбы, пытается способствовать получению жилья, прописки, помочь с устройством в больницу. Он выходит к каждому следующему посетителю и, пропуская его впереди себя, вводит в свой кабинет. Его знает вся страна. Он тут же берет телефонную трубку и звонит министрам, прокурору, в военкомат. Там узнают его по голосу. Но он не может открыто бороться с Лысенко. Не может открыто защищать современную физику или языкознание. Не может открыто восстановить уволенных приказом министра профессоров. Не может спасти от незаконного призыва в армию выпускника мехмата, оставленного было для обучения в аспирантуре. Он делает все возможное. Он вдруг, без видимой связи с моим вопросом, говорит: «понимаете, я член Президиума Верховного Совета и теперь они даже арестовать меня не могут!»...

После 20-го съезда КПСС и доклада Н. С. Хрущева становится легче. Однако на биофаке сторонники Лысенко прочно занимают основные позиции на ключевых кафедрах. Ректор бессилен бороться с ними. Истинной генетики в университете нет уже более 10 лет! И Петровский в 1959 году подписывает приказ о создании кафедры (специализации) биофизики на физическом факультете, в программе которой впервые за все эти годы предусматривается преподавание генетики и теории эволюции.

«Конформизм» как модель поведения сформировался под давлением тоталитарного режима. В этих условиях, в некотором смысле, быть героем легче, чем конформистом. Дело не только в «угрызениях совести». Их отчасти можно компенсировать сознанием своей миссии. Тяжело само взаимодействие с «злодеями» и не менее тяжело осуждение со стороны «героев». Однако тут уместен пример поведения при захвате самолета террористами. Идите на любые компромиссы, лишь бы сохранить жизнь пассажиров, даже если Вас потом упрекнут в конформизме.

В этой связи передо мной пример жизни моего высокочтимого учителя академика Сергея Евгеньевича Северина.

Он был основателем и более 50-и лет заведующим кафедрой биохимии животных биофака МГУ. Многие десятилетия мне важно было знать, что в трудной жизненной ситуации я могу позвонить и услышать его совет... Я многим ему обязан. Однако некоторые современники относились к нему очень скептически. Часто они имели для этого основания. Они — имели, но что бы мы, студенты тех лет, делали, если бы Сергей Евгеньевич не был так виртуозно приспособлен к жизни в стране Советов? Он не был бы тогда основателем кафедры биохимии животных. И мы бы не услышали захватывающие воображение рассказы об удивительном веществе — аденозинтрифосфорной кислоте. Мы бы не имели счастья говорить с самым совершенным из возможных собеседников о своих еще неясных идеях. Вернее, не самым совершенным собеседником, а самым совершенным слушателем — полностью включенным на слушание вашей сбивчивой и взволнованной речи, полностью воспринимающим, концентрирующим свое внимание на вас и немногими репликами проясняющий то, что вы с таким трудом пытаетесь выразить. Что бы мы были без всего этого!

А он мог быть «героем» и не приспособиваться к «режиму». И где бы он тогда был... А мы как же тогда? А никак. Мы бы и не знали о потере. «Мы бы не стали нами».

А ему, чтобы даже просто не погибнуть, нужно было быть именно таким «конформистом». Его юность (он родился в 1901 году) — время революций, террора, гражданской войны, голода, разрухи. Он сын управляющего фирмой «Зингер», фабриканта, капиталиста, спасенного от расстрела рабочими фабрики...

Он, как сказано, был конформистом — он вполне соответствовал властям, он все делал «как надо», даже лучше, «чем надо», он их превосходил в их же делах. Но он поворачивался лицом к Биохимии, и лицо его изменялось. Он был жрецом биохимии.

В истории университета Северин прежде всего был создателем кафедры биохимии на биологическом факультете. Она была создана в 1939 году и Сергей Евгеньевич 50 лет возглавлял ее. За эти годы на кафедре получили специальность 851 человек. Северин — выдающийся лектор, профессор, чьи лекции запоминались на всю жизнь. Он входил в блестящее созвездие выдающихся профессоров биологического факультета МГУ — Д. А. Сабина, Л. А. Зенкевича, А. Н. Формозова, Л. И. Курсанова, И. И. Шмальгаузена, В. Г. Гептнера, А. С. Серебровского, М. М. Завадовского.

Как лектор Северин был наиболее артистичен. Он воздействовал на аудиторию всем арсеналом средств — классический профессорский облик, богатый набор интонаций, ритма и громкости речи, и, самое главное, построение изло-

жения с вовлечением слушателей в поиск ответов на вопросы, обсуждаемые в лекции.

Северин был идеальным заведующим кафедрой. Каждый день, как правило, он обходил всех сотрудников и студентов-дипломников в лаборатории. Смотрел в лабораторных тетрадях результаты и обсуждал ближайшие планы. Эти «обходы» были для всех самыми важными событиями. За пределами кафедры была другая жизнь. Биофак был разгромлен. Но на кафедре ничего не изменилось. Сергей Евгеньевич был в гуще ужасных событий. Он в них участвовал! Но он заслонял нас на кафедре от них. Мы делали задачи Большого практикума и волновались в ожидании очередного «обхода».

Вместо любимого студентами С. Д. Юдинцева деканом стал отвратительный И. И. Презент. Мы были обязаны слушать его демагогические лекции. Мы выпустили сатирическую стенную газету с цитатами из этих лекций. Газету сорвали через 40 минут и отнесли в партбюро. Меня — редактора этой газеты — вызвали в партбюро и сказали, что в университет я могу больше не приходить.

Как меня отстоял Сергей Евгеньевич — не знаю. Он лишь обсудил со мной трудности в задаче на практикуме по анализу азота аминокрупп методом Ван-Слайка.

Его выбрали в действительные члены Академии медицинских наук (АМН СССР). Мы поздравляли его после лекции и самый светский из нас, Андрей Трубецкий, вручил ему от всех нас цветы. «Спасибо, друзья мои» — сказал Сергей Евгеньевич — «но ведь от этого не становишься ни лучше, ни умнее». И мы притихли.

Он нес тяжелый груз. В 1949 году возобновились массовые репрессии. Повторно арестовывали уже «отсидевших» и многих заново. Осенью 1949 года арестовали Андрея Трубецкого. Арестовали Аарона Фарберова. Началась оголтелая борьба с «безродными космополитами».

В Институте биологической и медицинской химии жертвой был выбран Дмитрий Леонидович Рубинштейн. Это был классик. Он знал все. Читал все статьи. Ему еще в 30-е годы принадлежали сводки-обзоры мировой литературы. Он был из школы Кольцова и держался классических представлений о роли мембран в клетках. В 1947 году он выпустил книгу-обзор «Общая физиология». Это был прекрасный учебник. Но там было относительно мало ссылок на отечественных авторов. Преобладало «преклонение перед иностранщиной». Был собран ученый совет для обсуждения этой идеологически вредной книги. Наивный Рубинштейн пришел на обсуждение, ничего не подозревая. Ему было интересно услышать мнение коллег. Его громили. С пафосом, с передергиванием, безжалостно. Самую яркую речь против Рубинштейна произнес Северин. Если бы только он! С критикой выступил и

А. Е. Браунштейн и многие другие. Рубинштейн был подавлен.

Много лет спустя я узнал, что Северина вызвали в «инстанции» и прямо сказали ему, что если он не выступит против Рубинштейна — возможен арест выдающегося биохимика А. Е. Браунштейна... Это было ужасно. Он читл А. Е. Браунштейна, как никого другого. Он говорил нам: «Браунштейн — это стена, это навечно!». И Северин произнес классическую обвинительную речь против Рубинштейна со всеми атрибутами ораторства.

Рубинштейн позже был уволен с должности зав. лабораторией, лишен звания профессора. Он вскоре умер от сердечного приступа. И над его гробом Северин произнес речь, от которой плакали потрясенные слушатели. Не было тогда магнитофонов! Я думаю, прощаясь с Дмитрием Леонидовичем в надгробной речи, Сергей Евгеньевич позволил себе быть искренним.

Летом 1950 года прошла «Павловская сессия». Теперь изгоняли с работы тех, кто не развивал должным образом Павловское учение. Атмосфера за пределами кафедры становилась все менее пригодной для жизни. Но нам не хотелось думать об этом. Нас заслонял Сергей Евгеньевич.

Его авторитет в партийных и административных слоях был очень высок. Северин очень нравился Им. Теперь это называется «имидж» — благородный профессорский облик, МХАТовская речь, вдумчиво неторопливая или ораторски ритмично организованная. Он Им голился.

Были объявлены выборы в Верховный Совет СССР. Ритуал был разработан до мелких деталей. На собраниях выдвигали членов и кандидатов в члены Политбюро и какого-либо проверенного, тщательно подобранного человека, в соответствии с предварительно утвержденной «процентной нормой» — столько-то процентов — рабочие, столько-то — женщины, столько-то — молодежь, столько-то — интеллигенты. А потом в Правде публиковали письмо членов и кандидатов Политбюро, в котором они благодарили за честь и сообщали, что им рекомендовано партией выбрать такой-то округ тому-то и такой-то тому-то.

В Большой коммунистической аудитории торжественное собрание. Красные бархатные знамена и лозунги. За столом президиума ректор, секретарь Парткома и много других начальников. Аудитория полна. Выдвигают в депутаты члена Политбюро В. М. Молотова. Овации, бурные аплодисменты, крики приветствий и лозунгов. Все как надо. И вдруг... из зала просят слова... Слово просит Северин. Медленно выходит на трибуну. Все замолкли. Это необычно. Сергей Евгеньевич громким голосом в микрофон говорит, что на основании Сталинской конституции, он хочет воспользоваться своим правом гражданина Советского Союза и выдвинуть другого кандидата. Общий шок. И вот, торжественно,

взволновано с некоторым дрожанием голоса, Сергей Евгеньевич говорит, что воспользуется правом свободного гражданина и наряду с В. М. Молотовым выдвигает в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик ... верного сына Коммунистической партии, славного соратника великого Сталина, Климента Ефремовича Ворошилова! Шок сменяется бурными аплодисментами. Все аплодируют. (Но потом, через газету, Ворошилов благодарит и отказывается, так как уже дал согласие баллотироваться в другом округе).

В 1949 году Сергей Евгеньевич стал академиком-секретарем Медико-Биологического Отделения АМН СССР. Это была тяжелейшая должность. Это ему по должности приходилось искоренять менделистов-морганистов и «антипавловцев», ему приходилось поддерживать безумные работы Лепешинской, ему — бороться с «безродными космополитами», ему подписывать приказы об увольнениях и назначениях. Он отказался от всех прочих дел, всех «совместительств». Только кафедра Биохимии животных — основная работа — и академик-секретарь. Государственный чиновник, послушный партийным указаниям в АМН, и наш высший авторитет, строгий и заботливый учитель на кафедре.

А там, во «внешнем мире» Сергей Евгеньевич совсем иной. Ему, естественно, ясна вздорность работ Лепешинской. Но он ничего против начальства не делает. Ольга Борисовна пригласила делегацию выдающихся ученых к себе на дачу, в академическом дачном поселке Луцино, возле Звенигорода. Она именно там наиболее успешно исследовала проблему «живого вещества». Это доклеточное или бесклеточное вещество со всеми признаками жизни. Из этого вещества затем возникают клетки. Клетки могут вновь превращаться в бесклеточное живое вещество. А это вещество, как показали дочь Ольги Борисовны — Ольга Пантелеймоновна, и зять Крюков, может образовывать кристаллы. Кристаллы из клеток, в том числе из сперматозоидов, можно видеть на фотографиях в статье в журнале «Известия АН СССР серия биологическая». Но лучше всего увидеть живое вещество в естественных условиях. Ольга Борисовна с пафосом показывает маститым академикам бочку, в которую стекает дождевая вода с крыши дачи. «Вот здесь самое жизнеспособное живое вещество!»... И академики смотрят в бочку. «Так, говорит, — Сергей Евгеньевич, — значит, здесь живое вещество? Ага, ага, здесь значит... Очень интересно. Очень. Живое вещество именно в этой бочке. Ага, очень интересно...» Если бы Ольга Борисовна чувствовала интонации. Если бы... Члены делегации еле удерживались. Но — служба! Поблагодарили за интересные демонстрации и уехали.

И это мракобесие длилось несколько лет!

Когда мы заканчивали университет, я пошел к Сергею Евгеньевичу в кабинет позвать фотогра-

фироваться вместе с нашей группой. Он сказал: «Не люблю групповых фотографий — кого-нибудь арестуют и не знаешь, куда деть фото...». Однако подумал и пошел. Всмотритесь в эту фотографию. Всмотривайтесь — ничего не увидите. Нормальная фотография выпускников университета со своим любимым профессором.

Прошло много лет. Сергей Евгеньевич для нас оставался высшим авторитетом. Какое счастье — можно позвонить высокочтимому учителю и приехать рассказать о своих делах. И он так же, как и много лет назад, сосредоточенно будет вникать в суть предмета. И так же в следующий раз скажет: «Пожалуйста, все сначала» он не сохраняет в памяти детали и в этом его спасение — «гигиена умственного труда».

Изображенный выше портрет человека, идущего на компромиссы с властями ради благополучия основного дела жизни — кафедры университета — наверное вызовет критику. В одном я сразу соглашусь — альтруистической идеи — обеспечения благополучия кафедре биохимии — мало для того, чтобы вынести всю тяжесть жизненных обстоятельств тех лет. У Сергея Евгеньевича было еще одно обоснование «позиции конформиста». Говоря высоким стилем, это никому не подвластное «дело жизни», по сравнению с которым отодвигаются на второй план все прочие события и обстоятельства. Это «дело» называется КАРНОЗИН. Да, все вокруг ужасно, но ... как же понять, зачем к бета-аланину — необычной аминокислоте — присоединен гистидин? Для чего карнозин обязательно, и в больших концентрациях находится в мышцах? И его тем больше, чем интенсивнее работает мышца? И проблема эта становится доминантной, заслоняя «злобу дня».

3 февраля 1992 года — Сергею Евгеньевичу было 90 лет! — на конференции, устроенной по инициативе А. А. Болдырева, С.Е. сделал обстоятельный доклад о проблеме карнозина. Итог более чем 60-летних исследований. Поразительный доклад. Поразительный человек. Ясная мысль, как и раньше прекрасная речь, безупречная логика. Мудрое спокойствие в выводах — служенье муз не терпит суеты! Какой урок всем нам! Какой пример! Но еще сильнее остального доклада — заключительное слово — яркая речь, шекспировское впечатление, последний дар аудитории, заполненной доверху...

Сергей Евгеньевич умер в 1993 году. Он остался в нашей памяти. Мы начинали научную жизнь в ужасное время под защитой, опекой,

заботой высокочтимого Учителя. Он приходил нам на помощь многократно и во «взрослой» нашей жизни. Да, он не был героем. Да, он не шел против властей. Как жаль, что ему пришлось быть конформистом. Что бы мы без него делали!

В очерках о выдающихся конформистах я мог бы назвать еще много имен. Среди них близкие мне по специальности — биохимии — академики В. А. Энгельгардт, А. А. Баев, Г.М. Франк, А. Н. Белозерский. Много в их поведении под давлением обстоятельств было аналогично поведению С. Е. Северина. Компромиссы, на которые они, шли были нелегкими.

Как ясно, грань между компромиссом и злодейством тонка и условна. Литература полна примеров, когда после ареста и жестких допросов жертвы соглашались быть тайными агентами репрессивных органов. Нужны были чрезвычайные усилия, чтобы не перейти эту грань.

Но не менее тонка грань между компромиссом и героизмом. Судьба Н. И. Вавилова вполне иллюстрирует это.

Нас привлекают благородные облики героев. Имена Н. И. Вавилова, Н. К. Кольцова, А. Р. Жебрака, Д. А. Сабинина, В. П. Эфроимсона, И. А. Рапопорта, В. С. Немчинова, Д. Н. Прянишникова бесстрашно вступивших в борьбу против мракобесия за спасение истинной науки останутся в истории. Мы знаем имена «злодеев» — Т. Д. Лысенко, И. И. Презента, О. Б. Лепешинской, В. Н. Столетова, Н. И. Нуждина и многих их последователей, нанесших в силу безнравственности и невежества огромный урон нашей стране.

Мы должны с пониманием и уважением помнить имена благородных «конформистов», тяжелой ценой сохранивших основы нашей науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Эфроимсон В.П.* В кн.: Гениальность и генетика. М.: Русский мир, 1998, с. 435—466.
2. *Шноль С.Э.* Герои и злодеи российской науки, М.: Крон-пресс, 1997, с. 467.
3. Состояние теории химического строения в органической химии. Стенографический отчет. Всес. совещ. 11—14 июня, 1951. Под ред. К.Т. Порошина. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
4. Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. Под ред. В.А. Куманева, М.: Наука, 1995, с. 254.
5. «Репрессированная наука» Вып. 2. Под ред. М.Г. Ярошевского. С-Пб.: Наука, 1994, с. 319.
6. *Сонин А.С.* Физический идеализм. История одной идеологической кампании. М.: Физматлит, 1994.